

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

48
PG
3300
.S63
P3
1874

vol. SPI
STANFORD
LIBRARIES 17-203

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Н. М. ПАВЛОВА.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1874.

In memory of

Roger Lewis

from a gift by

National Telecomm & Tech Fund

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Дозволено цензурою. Москва, февраля 27 дня 1874 г.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Ни одному памятнику нашей древней литературы не посчастливилось такимъ множествомъ изданій и такимъ богатствомъ комментариевъ какъ *Слову о Полку Игоревъ*.

Съ одной стороны это вполнѣ понятно: это памятникъ исключительно важный, единственный въ своемъ родѣ. Тогда какъ почти вся древняя письменность сводится у насъ лишь къ церковной проповѣди, *Слово* представляетъ яркій образецъ свѣтской литературы и къ тому же весьма талантливый. По живости поэтическихъ красокъ, по занимательности и разнообразію картинъ внутренней жизни, такъ-называемаго удѣльнаго періода, это источникъ драгоценный и ничѣмъ не замѣнимый. Читая *Слово*, чувствуешь самую душу древней княжеской Руси, угадываешь ея бытъ.

Неудачный походъ Игоря, окончившійся его плѣномъ, вполнѣ подтверждается лѣтописями; но поэтъ передалъ его въ своемъ одушевленномъ разказѣ еще какъ участникъ и очевидецъ событія. Многія характеристическія черты и неуловимо-жизненные подробности, разсыпанные на протяжении цѣлой поэмы, въ томъ убѣждаютъ невольно. Самый языкъ *Слова* достигаетъ мѣстами высокаго поэтическаго одушевленія и, пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, до сихъ поръ звучитъ пріятно. Всего этого уже слишкомъ достаточно для того чтобъ объяснить всеобщее и вполнѣ заслуженное сочувствіе къ *Слову о Полку Игоревъ*.

Но съ другой стороны есть еще причины совѣмъ иного рода которыя постоянно побуждаютъ знатоковъ нашей старины обращаться къ этому памятнику съ новыми разысканіями: онъ грозятъ уже никогда не кончиться и самое изученіе памятника обращается при этомъ не въ ученую или художественную работу, а въ какую-то умственную игру, въ *casse-tête* своего рода.

Дѣло заключается въ томъ что *Слово о Полку Игоревѣ* вовсе не народная поэма, а весьма искусственное произведеніе чисто личнаго творчества. Это произведеніе такого лѣвца который усвоилъ себѣ, такъ-сказать, нарочито-схоластическіе приемы и придавъ своему сочиненію совершенно особую, нарочито витійственную форму. Лѣвца *Слова*, по справедливости, можно отнести къ числу тѣхъ лѣвотворцевъ о которыхъ у Кирилла Туровскаго между прочимъ сказано такъ: „*Историчицы и вѣсти, рекше жътописци и пѣснотворци, приклоняють своя служы въ бышая лежю цари рати и вѣпчленія да украсятъ словесы и возвеличатъ мужествовавшиа крѣпко... и тѣхъ славяще похваляли вѣпчаютъ.*“ Самый языкъ *Слова о Полку Игоревѣ* вовсе не народный языкъ; онъ рѣзко залечатлѣвъ личными особенностями автора; быть-можетъ даже прямо погрѣшностями. И вотъ такого-то рода исключительный и совершенно своеобразный памятникъ, въ довершеніе всего, уцѣлѣвъ до нашихъ временъ въ единственной редакціи, не представляя для своего сличенія ни одного варианта. Притомъ самая рукопись, какъ извѣстно, сторѣла въ Москвѣ при нашествіи Французовъ, и текстъ *Слова* читается лишь по печатной редакціи Мусина-Пушкина, которому принадлежала погибшая рукопись.

Весьма понятно что въ слискѣ дождемъ до Мусина-Пушкина могли заключаться и нечаянныя ошибки, и невѣжественныя поправки перелищниковъ, и совершенныя искаженія текста мудровавшими лицами; наконецъ, просто были описки, быть-можетъ цѣлые пропуски противъ первоначальнаго текста. Понятно что самъ издатель, Мусинъ-Пушкинъ, не могъ избѣгать новыхъ ошибокъ при разборѣ неразборчиваго текста; многія искаженія, которыя по крайней мѣрѣ обличали себя тѣмъ что не представляли даже грамматическаго смысла, онъ, осмысливъ по своему крайнему разумѣнію, кристаллизовалъ въ правильныя сочетанія словъ, чѣмъ ввелъ въ двойное заблужденіе дальнѣйшихъ изслѣдователей. Редак-

рія Слова о Полку Игоревъ подъ конецъ всего представляется такою что чуть не каждый стихъ подаетъ поводъ къ двусмысленности, а нѣкоторыя отдѣльныя реченія кажутся какими-то осколками искаженныхъ или просто на половину утраченныхъ стиховъ... После къ догадкамъ является безграничнымъ; но это уже не ученая работа, какъ мы сказали, а игра въ casse-tête.

Если въ стихахъ любаго изъ новѣйшихъ поетовъ можно указать замѣны одного стиха другимъ, и оба будутъ правильны, и даже смотря по личному вкусу каждаго, одинъ будетъ казаться лучше другаго,—то не праздно ли спорить о такихъ замѣнахъ и доискиваться правильнѣйшаго варианта у лѣвца XII столѣтїя? Если въ томъ или другомъ случаѣ именительный падежъ совпадаетъ съ винительнымъ или дательный съ предложнымъ, и смыслъ рѣчи одинаково допускаетъ и то и другое, то можетъ ли что-нибудь быть безконечнѣе споровъ о томъ какой же именно изъ этихъ двухъ падежей былъ однако въ намеренїи у самого лѣвца XII столѣтїя?

Многіе изъ критиковъ Слова спорятъ другъ съ другомъ по вопросамъ именно этого рода, но есть другіе которые идутъ гораздо далѣе. Всякое мало-мальски темное и для кабинетно-ученой критики непонятное мѣсто (весьма часто объяснимое изъ примѣровъ охотничьей или казацкой или даже просто крестьянской жизни) они стараются объяснить мѣстами и старинною мѣологією, то-есть: объяснить одно неизвѣстное другимъ еще болѣе неизвѣстнымъ. Этимъ путемъ многія мѣста Слова о Полку Игоревъ извращены окончательно, и имъ приписываютъ чудовищный смыслъ. Въ ошибкахъ противъ языка, въ простыхъ погрѣшностяхъ, либо автора, либо перепищиковъ, ученая критика не рѣдко усматриваетъ вполнѣ законныя архаизмы, неслыханныя даже своего рода прелести.

Слово о Полку Игоревъ, такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ искаженій печатной редакціи, а съ другой, отъ массы мѣстическихъ толкованій, окуталось въ концѣ-концовъ какимъ-то таинственнымъ и мрачнымъ покровомъ, изъ-подъ котораго уже никакъ не выгалаеть на свѣтъ Божій его простой поэтической и всякому понятный смыслъ.

Замѣчательно что самый переводъ или правильнѣе сказать переложеніе этого памятника на современнѣй языкъ дѣлалось у насъ до сихъ поръ или какою-то торжественною прозою, или рифмованными, а иногда бѣлыми стихами на какой-то

мужицкій ладъ, съ гримасою лихости и непремѣннымъ налу-
щеніемъ же-руссицизмовъ.

Можно съ основательностію утверждать что простой, впло-
тѣ естественный русскій языкъ, самый лучшій для переложе-
нія какихъ бы то ни было памятниковъ древней русскои пись-
менности. Что же касается до вопроса: переводить ли *Слово*
о Полку Игоревѣ прозой, или напротивъ стихами, то отвѣтъ
на это обуславливается самимъ подлинникомъ.

Слово о Полку Игоревѣ даетъ угадывать что оно разказыва-
лось лѣвцомъ въ грядницѣ у князя предъ многочисленными
слушателями. Рѣчь сказателя раздавалась то протяжно и съ
нѣкоторою заученностію гдѣ повысить и гдѣ понизить голосъ;
то дѣлалась мѣрною скороговоркою; то плавными длинными сти-
хами безъ опредѣленнаго размѣра; то наконецъ достигала чи-
сто лирическаго воодушевленія, которое и выражалось сти-
хомъ съ опредѣленною цезурой. Музыкальность этихъ отдѣль-
но-выдающихся стиховъ даже сейчасъ, пройдя сквозь цѣлый
рядъ вѣковъ, не утратила своего обаянія. Переводъ, удержи-
вая строка за строкою расположеніе самаго подлинника и
передавая текстъ по возможности дословно и дострочно,
долженъ въ то же время передавать и этотъ постоянно мѣня-
ющійся вольный размѣръ, никогда не подчиняющійся едино-
образію.

Понятно что слагатель *Слова*, обращаясь къ своимъ много-
численнымъ слушателямъ въ грядницѣ князя, однимъ тономъ
дѣлалъ напримѣръ самое обращеніе: *Не льно ли ны башеть,*
братіе, начати старыми словесы, обращеніе въ которомъ
проглядываетъ даже намѣренная книжность съ его стороны,
а слѣдовательно оно и читается нѣсколько на книжный ладъ
съ протяжностію. И въ то же время онъ уже совершенно дру-
гимъ тономъ передавалъ оживленную картину горячаго сѣвѣа
военныхъ приготовленій: *Гремить слава въ Киевѣ! Трубы тру-*
бятъ въ Новгородѣ! Наконецъ еще новымъ тономъ помѣчалъ
онъ отдѣльными прилѣвками какъ бы символическими изре-
ченіями стародавняго эпоса переходы своихъ постоянно мѣ-
няющихся эпизодовъ: *Быль спѣтъ Трапноеъ!* при переходѣ къ
воспоминаніямъ о кровавыхъ сѣвѣахъ, или: *Не конья поютъ на*
Дунай, когда онъ переходитъ къ *Плачу Ярославъ.*

Такой переливъ тоновъ и слышенъ въ стихахъ *Слова*, хотя
подъ стихами тутъ слѣдуетъ разумѣть совсѣмъ не то что обо-
значается этимъ именемъ въ наше время.

Слово о Полку Игореве, какъ мы сказали, сложилось не въ народѣ и не народомъ, а по всей вѣроятности придворнымъ княжескимъ пѣвцомъ, ученымъ мастеромъ своего дѣла, „искуснымъ витіемъ“ какъ это называлось въ старину. Это весьма стройная по своему сочиненію поэма, съ планомъ вполнѣ обдуманнымъ и хорошо выдержаннымъ; поэма сложившая по правиламъ ученыхъ съ явнымъ отбѣнкомъ такъ-называемаго „высокаго слога“ и того самаго классицизма, преданіе о которомъ сохранялось въ школахъ среднихъ вѣковъ и возводилось къ самому Гомеру. Обращеніе къ баснословному Бояну; олицетвореніе вѣтровъ какъ внуковъ Стрибога; наименованіе князя внукомъ Дажбога, упоминаніе о Хорсѣ и тому подобное, все это не что иное какъ только признаки преданія и школы. Это прикрасы которыми авторъ платилъ дань своему, школоу созданному, направлению.

Авторъ вѣроятно былъ дружинникомъ князя; а княжеская дружина заключала въ себѣ не мало пришельцевъ, Славянъ смѣшанной національности, которые могли скитаться и въ Венгріи, и въ Чехіи, и въ Польшѣ, прежде чѣмъ попасть на службу къ русскому князю. Въ самомъ *Словѣ* есть одно мѣсто не лишнее въ этомъ отношеніи интереса: упомянуть о подвигахъ Киевскаго Святослава, который *наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги*, и сопоставивъ съ такими подвигами неудачный походъ Игоря, который напротивъ того *все доброе поговорилъ на днѣ Камль рѣки, разсорилъ талъ русское золото*, пѣвецъ восклицаетъ:

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава
Поютъ славу Святославу!

Эти Нѣмцы, Венеціане, Греки и Морава здѣсь обозначаютъ не непременно тѣ дальнія страны, въ которыя могла бы пожалуй проникнуть слава о подвигахъ Святослава; пѣвецъ тутъ могъ разумѣть тѣхъ пришельцевъ изъ разныхъ земель которые находились на службѣ у князя и числились въ его дружинѣ. Пѣвецъ *Слова* заставляетъ этихъ же самыхъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ и Моравовъ оплакивать тоже горькую судьбу Игоря:

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава,
Поютъ славу Святославу;

Они корятъ князя Игоря,
Который все добрее похоронилъ
На днѣ Казань,
Половецкой рѣки;
Разсорила тамъ русское золото.

Притомъ о присутствіи иностранцевъ въ княжескихъ дружинахъ извѣстно съ самыхъ отдаленныхъ временъ; въ летописяхъ не упоминается почти ни объ одномъ князѣ безъ того чтобы не назвать между его ближними или служителями какого-нибудь иностранца: или Венгра, или одного изъ вымышленныхъ кнѣземъ *Слова*, или вообще Фрага. Многие изъ нихъ могли приносить съ собою и передавать своимъ товарищамъ по дружинѣ школьное образованіе тогдашней средневѣковой Европы, о которомъ мы говорили. Впрочемъ, это образованіе было принесено еще прямо изъ Греціи и могло подвориться даже въ тѣхъ школахъ которыя послѣ принятія христіанства были заведены Святимъ Владиміромъ и особенно умножились во времена Ярослава.

Сочетаніе въ одномъ лицѣ и кнѣзя и дружинника представляется совершенно естественнымъ. Съ этой стороны очень важно свидѣтельство Ипатьевского летописца о какомъ-то *славянскомъ кнѣзѣ Митусѣ* которому вмѣняли въ гордость его нехотѣніе служить князю Даниилу. Здѣсь умѣстно будетъ написать это свидѣтельство, тѣмъ болѣе что имя въ этомъ предсловіи Митусѣ хотѣла видѣть никого другаго какъ самого автора *Слова о Полку Игоревѣ*.

Въ Ипатьевской летописи подъ 1241 годомъ читается:

„И слышавъ Костянтивъ Андреа градоуца наны, избѣже ночью. Андрей же не удоси (не застигъ) его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра и прибицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутыаго кнѣзя Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Даниилу, раздранаго аки связанаго приведоша.“

Уже давно было замѣчено что ни одинъ изъ древнихъ памятниковъ не отличается такою искусственностью выраженія какъ *Слово о Полку Игоревѣ*. Мы не говоримъ объ этихъ дѣйствительно книжныхъ словахъ и выраженіяхъ, каковы: „лѣснотворецъ“ вмѣсто поэтъ, „трудная повѣсть“ вмѣсто героическая поэма, „замышленіе Бояна“ вмѣсто фантазія Бояна. Такъ какъ не было современныхъ словъ для выраженія соотвѣтствующихъ понятій, то и повѣтливо что для выраженія

пришлось сочинять слова и составлять их искусственно. Но мы говоримъ про книжность и сочиненность еще такихъ выраженій и для передачи такихъ представлений которыя весьма точно и живо передавались въ народной поэзи. Такъ напримеръ, желая выразить что Русскими было захвачено множество добычи у Половцевъ, такъ что бархатами и разными драгоценностями можно было мосты мостить по гравямъ да по болотамъ (оборотъ употребляемый весьма часто въ народной поэзи) авторъ выражается такъ: „мачали мосты мостить по болотамъ и грязивымъ мѣстамъ“. Выраженіе: *по грязивымъ мѣстамъ*, конечно, правильно въ грамматическомъ отношеніи; но едва ли это живой языкъ, а не книжный.

Для выраженія самаго ранняго утра, чему въ народной поэзи соответствуютъ обороты: до зари, до свѣта, наконецъ просто: ранымъ-рано, ранѣшенько,—пѣвецъ употребляетъ такую форму: „вельми рано“—выраженіе совершенно прозаическое и опять-таки книжное.

Такого рода книжность и, какъ мы выразились, *сочиненность* многихъ словъ и цѣлыхъ выраженій въ *Словъ о Полку Игоревѣ*, перегибавшаяся то съ просторѣчiami, то съ мѣстами провинціализмами, образуетъ какую-то пеструю мозаику словъ. Такого-то рода мозаичность и обнаруживается въ языкѣ автора *Слова*. Наряду съ сочиненными и искусственно составленными словами, какъ „лѣснотворецъ“, „трудныя новѣсти“ и пр. онъ то и дѣло употребляетъ еще такіа слова которыя явно относятся къ чисто мѣстнымъ провинціализмамъ и просторѣчiamъ. Сюда можно отнести: „засаживикъ“, „текть“, „клектъ“, „всѣрожать“, „кычетъ“, „каять“, „бусый“ и другіе. Замѣтимъ о послѣднемъ словѣ: „бусый“ что оно просто означаетъ *сѣрый*, и въ этомъ смыслѣ значится въ *Областномъ словарѣ*, какъ провинціализмъ Поковской губерніи. Въ этомъ значеніи слова *бусый* нельзя сомнѣваться уже потому что пѣвецъ *Слова* придаетъ его, какъ видите, волку; въ народной поэзи и говорится всегда: сѣрый волкъ. Такимъ образомъ объясняется еще и выраженіе въ *Словѣ*: *бусыя враны* (босовы враны) переселенное цынами: *бусыя ворона*. Такъ какъ вдрону соответствуетъ всегда эпитетъ *черной вдронъ* и цвѣтъ вдрона таковъ дѣйствительно, откуда и выраженіе о черной масти: *ворондѣ*, цвѣтъ вдронова крыла, то *бусыя враны* значить просто *воронна*, лица того же рода что и вдронъ, но, какъ всѣмъ извѣстно, сѣрая.

Такъ какъ, впрочемъ, до насъ *Слово* дошло въ испорченной и искаженной редакціи, то было бы саишкомъ неблагодарно думать объ языкѣ этого памятника какіе-нибудь оковчательные выводы; тѣмъ болѣе что, не говоря уже о цѣльности поэмы и вообще о несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ автора, цѣлыя мѣста и отдѣльныя строчки, даже со стороны языка, представляютъ образцы высокаго творчества.

Повторяемъ, къ языку *Слова о Полку Игоревѣ* слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностію, безъ чего ученая критика ставится въ постоянную опасность принимать простую неумѣлость или погрѣшность автора, а иногда просто ошибку писца за вполне законный архаизмъ.

Одно изъ воззваній къ Бояну у лѣвца *Слова* возбуждено сожалѣніемъ что не онъ, не славный Боянъ, воспѣваетъ походъ Игоревъ. „Кабы ты, Боянъ, воспѣлъ этотъ походъ!“ восклицаетъ лѣвецъ. „Кабы ты сложилъ славу нашему времени!“ Последній стихъ читается одними такъ: „Слѣвая славу оба-полы сего времени“, другими такъ: „Свивая славу оба-полы сего времени“. Такъ какъ выраженіе *сложитъ славу* совмѣщаетъ оба варьянта, и *слѣвая* и *свивая*, то именно его, кажется намъ, и слѣдуетъ удержать въ переводѣ. Но какъ передать это: „оба полы сего времени?“ Этимологія очевидна: объ половины, объ стороны; но это не значитъ еще чтобы само выраженіе, вновь происшедшее отъ такого корня, и сложившееся въ особое самостоятельное слово, повторяло только буквально смыслъ своего корня. „Оба-полы сего времени“ едва ли не слѣдуетъ читать: „обалопь сего времени“; а это на языкѣ даже нынѣшняго сельскаго простонародья означаетъ уже весьма простое понятіе: около нашего времени, близъ нашего времени, вкругъ нашего времени и т. л. Такъ крестьянинъ говоритъ: всѣ обалопь знаютъ, или: всѣ въ обалопи знаютъ, или даже: вся обалопь знаетъ; во всей обалопи хлѣбъ не уродился. Поэтому, кажется намъ, всѣхъ вѣрнѣе перевелъ это мѣсто г. Вельтманъ: „слѣвая намъ *современную* славу“; напротивъ того, только затемняли простой смыслъ этого мѣста всѣ тѣ которые его объясняли намѣреніемъ лѣвца создать какой-то поэтической образъ свиванія времени прошедшаго, настоящаго и будущаго, „свивать славу Игоря со славой его предковъ“, „свить прошедшее съ настоящимъ, времена славы Олега и Игоря“.

Трояновъ валь, который подозрѣвали въ *Слово о Полку Игоревѣ* въ стихѣ: „рища трону Трояню“, весьма правдоподобно объясняется намѣренной опиской мудрствовавшаго перепищика, который Трояню, поставилъ вмѣсто Бояню. И смыслъ дѣлается простъ и ясенъ. Такъ какъ предъ тѣмъ только лѣвецъ обращался къ Бояню, носящемуся и по лѣсамъ и по облакамъ, съ приглашеніемъ вослѣть походъ Игоревъ, и въ заключеніи пристуляетъ самъ къ описанію похода прилѣвками на ладъ Бояня, то это обращеніе въ цѣломъ вполнѣ вѣрно читается такъ: „Несясь во слѣдъ Бояню, чрезъ поля на горы, такъ бы надлежало лѣвцу Игорю вышнему лѣвцу, лосѣдователю Бояня“ и приводятся примѣры заливовъ.

Напротивъ того, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ перепищикомъ поставлено „Бояню“ слѣдуетъ именно читать „Трояню“ или еще правильнѣе Тьмутораканю. Земля Тьмутораканская, впрочемъ, для перепищика которому не были чужды преданія о царѣ Траянѣ и о землѣ и войнѣ Троянской—земля Тьмутораканская, говоримъ, могла представляться Троянской землею или землею царя Траяна. Такъ какъ однакожь эта „земля Бояня“, а по другимъ „земля Траяна“ обозначена въ *Слово* весьма опредѣленно: „у великаго Дона на берегу Сиваго моря“, то ясно что это Тьмуторакань, о которой вообще въ *Слово* поминается то и дѣло; дайте мы будемъ имѣть еще случаи подробнѣе разобрать это мѣсто.

Затѣмъ, имя собственно царя Траяна, оставившаго по себѣ кровавую память въ Славянахъ, уже не ошибочно, а согласно съ подлиннымъ стихомъ лѣвца, поминается развѣ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ рѣчь идетъ о кровавыхъ сѣчахъ, о „которѣ“ и о насиіи.

При описаніи вторженія Игоря въ Половецкую землю, слѣдуютъ извѣстные стихи: „Дивъ кличетъ врѣху древа, Велить послушати земли незнаемъ: Влзѣтъ, и Поморію, и Посулію! И Сурожу и Корсуно! И тебѣ Тьмутораканскій блзвавъ!“ Тутъ подозрѣваютъ мистическій смыслъ. Съ одной стороны, видятъ мистическое существо въ Дивѣ; съ другой, выраженіе „земли послушати“ подаетъ поводъ къ смутнымъ догадкамъ. По нашему мнѣнію, настоящій смыслъ этого мѣста чрезвычайно простъ. Сейчасъ мы скажемъ подробнѣе о самомъ *дивѣ*; но вотъ общій смыслъ этого мѣста. Едва непріятель, то-есть русское войско,

вступила въ степь, которая отъ Сулы и Волги до Сурожа и до самой Тьмукракани уже была подъ властью поганыхъ Половцевъ (откуда и выраженіе: половецъ Тьмукраканское), Дивъ и бьетъ тревогу на всю эту округу, отъ Волги до Тьмукракани, призывая хозяевъ земли, Половцевъ, беречься вторгнувшихся чужеземцевъ. Кого же здѣсь разумѣютъ подъ Дивомъ?

Этимъ именемъ—объясляютъ иные—зовутъ злобѣщую птицу, филина; авторъ только и рисовалъ эту простую картину: злобѣщая птица прокричала съ вершины дерева, и жутко стало воинамъ Игоря. Этотъ злобѣщій крикъ отдался въ ихъ души, какъ зовъ нечистой силы, кликнувшей Половцевъ противъ нихъ. Допустимъ что оно и такъ; но въ поэзіи всякое представленіе болѣе или менѣе фантастично и возбуждаетъ въ душѣ цѣлый строй впечатлѣній однородныхъ, параллельныхъ. Поэтому и *дивъ* въ этомъ мѣстѣ можетъ означать кромѣ филина еще какой-нибудь злобѣщій образъ. Только нѣтъ никакой надобности разумѣть тутъ непременно что-нибудь таинственное и мифологическое. Напротивъ того, сходственные поэтическія параллели могутъ тутъ быть совершенно простаго характера и отвѣчать самымъ фамиліарнымъ мотивамъ тогдашняго быта. Какой бы другой образъ, кромѣ филина, ни разумѣлся въ злобѣщемъ дивѣ, ясно однакожь что этому образу приписывается именно вѣщаніе; во всякомъ случаѣ, это какой-то вѣстникъ; это какой-то вѣстунъ.

Намъ припоминается сторожевая жизнь степной русской украинѣ и весьма характерный способъ карауловъ, устроенныхъ для наблюденія за степными хищниками. Этотъ способъ, со времени кievскихъ князей, боровшихся съ Половцами, сохранился еще и въ московскій царскій періодъ, когда врагами уже являлись Крымскіе Татары. На одинокихъ дубахъ, разбѣланныхъ по всей безпредѣльной равнинѣ, сидятъ вверху стражники, дозорцы, и пристально смотрятъ въ безконечную степную даль. Подъ дубомъ еще другой стражникъ, и два осѣдланыхъ коня. Завидится вдали пыль или вообще какая-нибудь тревога отъ табуна или отъ войска, стражникъ подаетъ кличъ съ верху дерева; его товарищъ подъ дубомъ садится на одного изъ осѣдланыхъ коней и ѣдетъ къ садиющему такому же пункту.

Но вотъ разказъ очевидца, котораго такой способъ степ-

ныхъ карауловъ поразилъ какъ иностранца, ничего подобнаго не видѣвшаго на своей родинѣ; разказъ, относящійся уже ко временамъ царей московскихъ, но какъ мы оказали, такой же способъ степной охраны существовалъ и во времена Киевской Руси.

„Намѣреваясь открыть непріателя въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, Россіане поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя Царскою, Крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части, при каждомъ изъ нихъ ставятся два ратника съ готовыми конями; одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣланныхъ. Сія всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи лыль, сѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показывается рукою, гдѣ видѣлъ непріателя. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали замѣчаетъ скачущаго всадника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается лыль; велитъ своему товарищу смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, уведомляя другъ друга, даютъ знать ближайшей крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того что видѣли непріателя; а верѣдко вѣсто людей, открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ оставшійся при первомъ деревѣ также прыскачетъ и подтвердитъ слова своего товарища, тогда съ прибытіемъ вѣстника войско берется за оружіе“ (Маржеретъ изд. Устрялова).

Въ приведенномъ разказѣ иностранца могутъ быть негѣрны нѣкоторыя подробности, такъ напримѣръ иногда могъ товарищъ дозорца скакать по его крику съ дерева, иногда самъ дозорщикъ; но отъ этого ничего не измѣняется. Вотъ этихъ-то стражниковъ, вѣстниковъ, дозорцевъ—дружинники на своемъ фамильярномъ языкѣ и могли величать дивами, если подъ дивомъ дѣйствительно разумѣется сова зловѣщая. Впрочемъ, корень *див*, *дивится* самъ по себѣ означаетъ дозорца, такъ какъ въ малорусскомъ нарѣчій *дивитися* значитъ просто глядѣть; а въ великорусскихъ губерніяхъ народъ говоритъ:

чему дивиться? если на что-нибудь пристально засмотри-
лись.

Такимъ образомъ, къ болѣе фамиллярнымъ представленіямъ
которыя могли смѣшиваться съ общимъ поэтическимъ пред-
ставленіемъ дива, относилось и представленіе о такихъ имен-
но стражникахъ, о такихъ именно степныхъ вѣстникахъ.

Когда первый стражникъ, возвѣстившій тревогу, самъ ско-
диль съ дерева на землю и на своемъ собственномъ ковшъ
являлся въ городъ подтвердить тревогу, тутъ ужъ войско не
мѣшка выстуало въ походъ противъ вторгнувшагося чуже-
земца. Вотъ это-то на фамиллярномъ (а вовсе не на торже-
ственномъ) языкѣ дружинниковъ и могло значить: „Уже дивъ
свергнулся на землю!“—выраженіе, которое далѣе и встрѣчает-
ся въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*.

Послѣ разказа о томъ какъ Игоревое войско было разбито
и самъ князь взятъ въ плѣнъ, есть мѣсто въ *Словѣ* которое
наиболѣе смущало ученую критику. Для его объясненія при-
думали цѣлую гипотезу о двуликѣ сиренѣ, о какой-то ми-
еической Дѣвѣ-Обидѣ. Мы совершенно упраздняемъ эту Дѣ-
ву-Обиду, и читаемъ это искаженное мѣсто такъ: „И вотъ,
братья! ужъ невеселое времячко наступило! Пустыня силуш-
ку похоронила! Проснулась печаль-досада (обида) въ разби-
томъ войскѣ князя!“ Здѣсь ставимъ мы точку, картина обиды
кончилась; и слѣдующій періодъ объясняетъ напротивъ того:
какою радостью отозвалась вѣсть о побѣдѣ надъ русскимъ
княземъ на азовскомъ побережьи въ самой Тьмутаракани,
то-есть въ землѣ Половцевъ. Этотъ періодъ мы читаемъ
такъ: а дивъ вступилъ на землю Тьмутараканскую и залескавъ
лебедьими крылами у Дону на берегу Сиваго моря, возвѣ-
стилъ широкораздольныя времена. (Тьмутараканская земля
въ устахъ умствовавшего книжника обратилась въ землю
„Трояню“ и „Бояню“.)

Наше толкованіе этого мѣста (раздѣленіе одного періода на
два различныхъ, при чемъ обиду относимъ только къ разби-
тому войску Игоря; и замѣна стиха: „Дѣвою вступила“ сти-
хомъ „а дивъ вступилъ“) просто и правдоподобно. Оно вос-
производитъ поэтическую картину которая такъ естественно
возникла въ воображеніи глѣнца: печаль-досада въ разбитомъ
войскѣ; обида съ одной стороны; и ликование побѣды съ дру-
гой, то-есть у Половцевъ въ Тьмутаракани! Это толкованіе
подтверждается подлинникомъ Пушкинской редакціи; у него

читаемъ: „вступилъ“, а вовсе не „вступила“. Такъ какъ сказуемое: *вступилъ* отнесли къ подлежащему: Дѣва-Обида, то естественно было замѣнять мужскую форму глагола формою женской. Но замѣчательно что были еще, кромѣ того, ученныя попытки объяснить самую эту неправильность сочетанія подлежащаго со сказуемымъ миеологическими догадками. Дѣва-Обида, говорили, есть не что иное какъ миеологическая Сирена; а Сирена уже дѣйствительно представляется существомъ то мужскаго, то женскаго рода. Въ этомъ будто намѣреніи лѣвецъ и употребилъ мужской родъ *вступилъ*, говоря о Дѣвѣ-Обидѣ.

Наше толкованіе этого мѣста, скажемъ въ заключеніе, подтверждается еще параллельнымъ мѣстомъ *Слова* которое повторяетъ опять ту же картину, то-есть съ одной стороны ликованіе Половцевъ въ Тьмуторакави, съ другой горестъ разбитаго войска Игоря: именно, бояре Святослава въ Кіевѣ, въ отвѣтъ на его разказъ о видѣнномъ зловѣцѣмъ снѣ, говорятъ: на рѣкѣ Каааѣ тьма свѣтъ покрыла, Олегъ и Святославъ заводокались тьмою. Князьямъ-соколамъ крылья подрѣзаны; ихъ опутали въ желѣзныя путы, а въ то же время на Азовскомъ поморьѣ, въ Тьмуторакави, ликованіе побѣды. Тамъ дѣвушки заиграли веселыя пѣсни, и позваниваютъ русскимъ Игоревымъ золотомъ. Ясно что это только параллельное воспроизведеніе той же картины, повтореніе того же описанія.

Если можно привести еще другое мѣсто въ *Слозѣ о Полку Игоревѣ*, которое подавало поводъ къ такимъ же недоразумѣніямъ какъ пресловутое мѣсто о Дѣвѣ-Обидѣ, такъ это слѣдующее. Пожалѣвъ о старыхъ временахъ единодержавія Владиміра, лѣвецъ говоритъ такъ: а нынѣшъ подѣлились полковыя знамена Владиміра между его потомками. Одни знамена принадлежать князю Рюрику, другія—князю Давиду; но уже въ розницу развѣваются ихъ лохмотья. Картина въ высокой степеніи поэтическая и въ то же время чрезвычайно простая. Но это мѣсто долгое время читалось совершенно неправильно. „Стяги“, знамена, было прочитано: *сташа*; выраженіе: развѣваются, распахиваются, было понято въ смыслѣ воздѣлыванія земли пахотю: „пахуть“; возвратное мѣстоименіе *ся*, отнесли къ слову *розо*, которое въ свою очередь было принято за *рога*, *рози*. Выходитъ чудовищный смыслъ; но на немъ

наоттаивали. „Но рози нося имъ, хоботы пашутъ“. „Это безкит-
ростное, ясное выраженіе (говоритъ одинъ изъ глоссаторовъ)
почтается загадочною фразой, однимъ изъ самыхъ темныхъ
мѣстъ въ поэмі, и толкованія одно другаго страннѣе. Это
выраженіе лѣвездъ не выдумалъ, а подслушалъ въ народѣ, ко-
торый былъ истощенъ безпрестанными войнами. Отдавая ач-
шихъ мужей, силу свою, рога, въ лодки Рюрика и Давида,
приходилось пахать оставшимся въ селахъ хвостами, сла-
быми женщинами и старцами.“ (Вельтманъ)

Есть еще одно мѣсто въ *Сюгъ* которое, по мнѣнію боль-
шей части глоссаторовъ, объяснено какъ нельзя лучше, но
которое едва ли не было бы благоразумнѣе вовсе выбросить,
обозначивъ точками, какъ явное искаженіе или какъ такое
четверостишіе въ которомъ ошибокъ и описокъ больше чѣмъ
стиховъ. Шведъ оплакалъ несчастіе Игоря постichesкими
стихами: „Высокъ занесся соколъ, птицъ сбивая къ морю!
Храбрыхъ Игорева войска—нѣтъ, не воскреситъ ужь;“ И
прежде чѣмъ перейти къ описанію лаяча жень по востѣ Рус-
ской землѣ, говоритъ, по Пушкинской редакціи, слѣдующее:
„За нимъ клакву, карма и жля поскочи по русской землѣ,
смагу мычучи въ пламянѣ розѣ. Жены русскія восплака-
лась“ и пр.

Карну и *желя* глоссаторы обратили въ собственныя имена
половецкихъ хановъ, и устремивъ ихъ съ огнемъ и мечомъ на
русскія села, они вставили имъ въ руки какой-то пламенный
рогъ, изъ котораго будто, какъ изъ древняго огнестрѣльнаго
оружія, ханы метали огонь и вообще зажигательные сваряды.
Картина смѣлая. Половцы Карна и Желя скачутъ по русской
землѣ и мечутъ огонь изъ пламеннаго рога! Но, *вопервыя*,
современные половецкіе ханы были Гзакъ и Коччакъ, поми-
нутаю поминаемые въ самомъ *Сюгъ* и которыхъ имена под-
тверждаются летописями; напротивъ того, о Карнѣ и о Желѣ
нигдѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. А *во вторыя* самая картина
древняго огнестрѣльнаго оружія въ видѣ какого-то пламенна-
го рога, изъ котораго мечется снага, картина слишкомъ на-
тянутая. Такимъ образомъ и простое художественное чувство,
и грамматическій смыслъ, одинаково не допускаютъ принять
такое толкованіе этого очевидно испорченнаго и совершенно
искаженнаго четверостишія. По связи смысла съ предшеству-
ющимъ и послѣдующимъ, по слученію этого мѣста съ заклю-

чительными стихами: *Жалость и печаль потекли жирно по Русской землѣ*, едва ли не будетъ правильнѣе допустить что здѣсь говорится не о половецкихъ ханахъ, а о той именно жалости и печали которыя потекли по Русской землѣ, оглашаясь воплями въ народѣ. Такимъ образомъ при вступленіи къ описанію плача и горести повторились бы тѣ же самыя выраженія которыми заключено описаніе,—оборотъ не одинъ разъ употребляемый глвцомъ. При такомъ возсозданіи этого мѣста можно будетъ по крайней мѣрѣ опредѣлить элементы искаженныхъ словъ. *Карна*, быть - можетъ, должно читать просто „жирно“, какъ и читается дальше въ стихѣ: „Печаль жирна тече средь земли Русской“; а для объясненія слова „Желя“ довольно указать слѣдующія мѣста глвца о томъ же событіи: „и тако въ день Воскресенія наведе на ны плачь и жаль на рѣцѣ Каялы“, „въ радости мѣсто наведе на мя плачь, а въ веселье мѣсто желю.“ Такое простое объясненіе, повторяемъ, оправдывается заключительными стихами этого описанія, которые обыкновенно составляютъ лишь перифразисъ начала, общеупотребительный приѣмъ у глвца на протяженіи всей поэмь. Но такъ или иначе, а отъ половецкихъ хановъ Карны и Желя приходится рѣшительно отказать.

Въ одной изъ самыхъ послѣднихъ строфъ поэмь есть еще одно искаженное мѣсто; отъ него отказывались даже такіе глоссаторы которые не смущались строфами ни о Дзвѣ-Обидѣ, ни о лапущихъ рогахъ населенія. Вотъ оно по Пушкинской редакціи: „Рекъ Боявъ и ходы на Святослава глвснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Когана хоти тяжко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“. (Этомъ мѣсто дадо поводъ, между прочимъ, одному ученому обвинять Боява во враждебности ко всѣмъ прочимъ княжескимъ глвцамъ. Боявъ, утверждалъ этотъ толкователь *Слова о Полку Игоревѣ*, ходилъ на Ярослава глвца какою-то войною. Обивчивость этого мѣста совершенно уничтожится, если допустить самыя незначительныя поправки; вмѣсто *ходы* на читать *години*, или *годинъ*—слово весьма часто употребляемое глвцомъ, и еще слѣдуетъ отнести *хоти* (въ чемъ подозрѣвали родительный падежъ существительнаго *хоть*, душа, жена) къ самой поговоркѣ о головѣ безъ плечъ или тѣла безъ головы, какъ простой союзъ *хотя*. „Хоть и тяжко тебѣ головѣ безъ

плечь, однакожь горе и тебѣ, тѣлу безъ головы!“ такую древнею поговоркою выражалась печаль земли, осиротѣвшей безъ князя когда оны уходилъ въ походъ или погибалъ въ бою. Печаль знакомая княжествамъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ! Мудрено ли что и самую поговорку или притѣвку, въ которыхъ выражалась эта постоянная печаль Русской земли, приходилось повторять лѣвцамъ чуть ли не всѣхъ княженій. Прибѣгнувъ къ этой же поговоркѣ для выраженія скорби Русской земли безъ Игоря, лѣвецъ *Слова* естественно могъ упомянуть что она, эта известная поговорка, повторялась и баснословнымъ Баяномъ, и всѣми лѣсотворцами стараго времени, какъ Ярослава, такъ и Олега князя. *Коганъ* вмѣсто князя говорилось въ старину въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ; лѣвецъ *Слова* могъ употребить это слышанное имъ, и встрѣченное въ рукописахъ, выраженіе безъ строгаго разбора. Такимъ образомъ, указанное мѣсто мы читаемъ такъ: Говоримъ Боянъ, и години Святославоу лѣсотворцу стараго времени, а также и лѣсотворцы Ярослава и Олега князя: хоть тяжко тебѣ, головѣ безъ плечъ; но тяжко и тебѣ, тѣлу безъ головы, Русской землѣ безъ Игоря.

Въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* редакция не только цѣлыхъ періодовъ, но даже отдѣльныхъ строкъ, наконецъ отдѣльныхъ словъ, или простое опущеніе частицы *не*, а иногда напротивъ приставка этой частицы гдѣ не слѣдовало, вводили въ большее заблужденіе критику.

Боянъ лѣвецъ называется соловьемъ стараго времени. „О Бояне! соловію стараго времени!“ говоритъ оны въ одномъ стихѣ, который не подаютъ повода подозрѣвать въ немъ поврежденности. Этимъ стихомъ и слѣдуетъ руководиться для истолкованія прочихъ стиховъ о Боянѣ, которые, напротивъ, обличаютъ испорченность редакціи. Въ известномъ описаніи фантазіи Бояна, который взвивался какъ орелъ подъ облаками, есть еще стихъ, читаемый иными: „Растѣкашеться мыслию по древу.“ Это *мыслию* принималось другими за *мышью*, мышью; наконецъ, если не мышью, то векшею, бѣлкой. Строгость параллелизма дѣйствительно требуетъ чтобы фантазія Бояна, летавшая орломъ подъ облаками, растекалась бы и по дереву не чѣмъ-нибудь, а кѣмъ-нибудь. Вмѣсто *мыслию*, и слѣдуетъ читать: „Растѣкашеть славіемъ по древу.“ Что здѣсь опискою поставлено *мыслию*, а слѣдуетъ читать: *славіемъ*, до-

называется именно послѣдующимъ мѣстомъ, въ которомъ Боянъ прямо называется соловьемъ, и вслѣдъ за такимъ прозвищемъ соловья, прибавлено еще: „скача соловьемъ по дереву“. Но куда же дѣвалось: *мыслию*? Такъ какъ въ этомъ стихѣ нельзя было обойти соловья, а прямо сказано: „скача соловьемъ по дереву“, то переписчикъ, введенный въ заблужденіе предыдущею опіскою: *мыслию по дереву*, вставилъ отъ себя *мысль* и въ этотъ новый стихъ: вышло безграмотное *скача соловьемъ по мыслию дереву*. Для исправленія слѣдуетъ читать въ предыдущемъ стихѣ: соловьемъ по дереву; это же самое повторить и въ послѣдующихъ стихахъ, выкинувъ только ошибочно вставленное „мыслену“. Смыслъ такимъ образомъ получается несомнѣнный и ясный.

Подыскивая прилѣвки на старинный ладъ, на ладъ Бояна, для описанія выступанія въ походъ, лѣвецъ иносказательно говорить съ одной стороны о Русскихъ, которые молодцами идутъ черезъ широкую степь, съ другой стороны о Половцахъ, которые также понеслись къ Дону на встрѣчу врагамъ. Понятенъ по этому стихъ: не буря понесла соколовъ черезъ степь широкую (что относится до Игорева войска); не галки стадами бѣгутъ къ великому Дону (что относится къ Половцамъ). Но такъ какъ частица *не* пропущена въ Пушкинской редакціи при второмъ стихѣ, то и представляетъ совершенную бессмыслицу стихъ употребляемый иными: не буря понесла соколовъ черезъ широкую степь, а это галки бѣгутъ стадами къ великому Дону.

При видѣ солнечнаго затменія, князь Игорьъ, не смутясь дурнымъ предзнаменованіемъ, говоритъ рѣчь дружинѣ о походѣ на Половцевъ. Рѣчь князя въ этомъ мѣстѣ перебита на двое слѣдующею вставкою: „Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити великаго Дону“. Это *похоти* иные объясняли тѣмъ что князю на умъ вспала мысль о *женѣ*. „Хоть“ въ смыслѣ душевья, а душа въ смыслѣ любимои жены, дѣйствительно употреблено одиакъ разъ авторомъ въ стихѣ: „своей милой хоти, красной Глѣбовны!“ Но здѣсь напрасно искать того же смысла. Такъ какъ въ древнемъ стихотворствѣ придается большое значеніе именно параллелизму, причеиъ соблюдается строгая симметричность всѣхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, а даиѣе въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ „знаменіе заступи“, то едва ли не справедлива догадка Вельмана

что *похоти* есть только испорченное „лохите“ сказуемое къ подлежащему „спала“, а „спала“ есть существительное, и въ этомъ случаѣ подлежащее, обозначающее: пылъ, пыльность. *спала*, можетъ быть наконецъ ошибочно написано вмѣсто: Слава; во всякомъ случаѣ, впрочемъ тутъ и пылъ, пыльность употреблено въ смыслѣ славы и славолюбія. На этомъ основаніи этотъ стихъ можно истолковать такъ: Слава князю умъ вкружила, или: пыльность отняла умъ у князя. Но во всякомъ случаѣ, переводъ этого мѣста стихомъ: Князю пришла мысль о жевѣ—свѣдуетъ рѣшительно отвергнуть.

Изъ труднымъ мѣстамъ, не дававшимъ возможности никакого объясненія, можно еще отвести слѣдующія выраженія при описаніи Полоцкаго князя Всеслава: „Клюками подперся о кони“ и „вонзи стрикусы.“ Последнее объясняли какими-то подвижными возами со стѣнбобитными орудіями, съ помощью которыхъ Всеславъ будто овладѣлъ Новгородомъ. Вѣрнѣе предположить искаженіе текста. Такъ какъ въ описаніи Всеслава тянется непрерывный рядъ глаголовъ, сказуемыхъ: Всеславъ металъ жребіе, подперся клюками, поскакалъ, достигнулъ и такъ далѣе; въ каждомъ стихѣ отдѣльный глаголъ, отдѣльное сказуемое, то можно заключить по параллелизму что и „вонзи“ долженъ быть глаголъ со смысломъ сказуемого, и по всей вѣроятности: *вонзи*, *вонзилъ*. Такъ какъ притомъ Всеславъ представляется какимъ-то рыскающимъ звѣремъ, рыцаремъ въ ложающемъ коня ни днемъ, ни ночью, то къ его фигурѣ по *Слову о Полку Игоревѣ*, всего приложимѣе картина именно всадника который то и дѣло коню задаетъ шпоры. Слово „колки“ въ смыслѣ шпоръ могло употребляться встарину; вѣроятно „клюками“ есть только описка вмѣсто „колками“ Слѣдовательно *подперся колками* значитъ втиснулъ въ коня шпоры, чему и отвѣчаетъ слѣдующій стихъ: и понесся къ городу Киеву. Но если „той клюками подперся о кони“ дѣйствительно значитъ втиснулъ въ коня шпоры; то всего вѣроятнѣе что и въ послѣдующемъ стихѣ *вонзи стрикусы* повторена только та же картина: вонзилъ шпоры, или просто: задалъ шпоры. Нѣтъ надобности останавливаться на мелкихъ подробностяхъ, которыя конечно всякій изучавшій этотъ памятникъ знаетъ наизусть и, увидавъ ихъ въ нашемъ переложеніи нѣсколько въ иной редакціи, самъ себѣ отдастъ отчетъ: почему мы именно такъ, а не иначе читаемъ подлинникъ.

Приступаемъ къ самому передоженію:

Вотъ, на что бы лучше, братья,
Начать намъ на старинный ладъ
Важное сказанье
О походѣ Игоря—
Игоря Святославича?
Начаться же той лѣснѣ
По современнымъ событіямъ,
А не по сочиненію Бояна.

А когда Боянъ вѣщій
Хотѣлъ кому лѣснѣ творить —
Онъ расточался соловьемъ по дереву,
Сърымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

Помните ль — бывало скажетъ —
Первыхъ временъ усобицы?
И какъ напустить десять соколовъ
На стаю лебѣдокъ...
Которую настигнетъ —
Та ѣ заглѣвала напередъ:

(Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что зарѣзалъ Редю
Предъ полками Косоожскими,—
Красавцу Роману Святославичу).

Боянъ-то, братья,
Не десять соколовъ
Пускалъ на стадо лебединое,
А лальцы вдохновенные свои
Положить только на живыя струны—
И онѣ ужъ сами
Князьямъ гремѣли славу.

Начнемъ-те же такую повѣсть, братья,
Отъ стараго Владиміра
До нынѣшняго Игоря,
Какъ онъ умъ свой искусилъ твердостью,

Сердце изощрил мужествомъ,
Исполнился ратнаго духа
И навелъ свои храбрые полки
На землю Половецкую
— За землю Русскую.

Вотъ, Игорь поднявъ взоръ на свѣтае солнце
И видитъ: всѣ его войны
Прикрыты отъ него затмѣемъ.

И сказалъ Игорь
Своей дружинѣ:
„Братья и дружина!
По-нашему: лучше мертвымъ пасть
Чѣмъ живымъ въ лѣвнѣ дасться.
Сядемъ-ка, братья, на своихъ борзыхъ коней,
Да посмотримъ-ка синяго Дону!“

Слава князю умъ лѣвнида;
Желанье попытать Дону великаго
Ему и знаменье засловило.
„Хочу, говорить, копье преломить
Объ край поля Половецкаго,
Съ вами, Русскіе!
Мнѣ хотъ голову свою положить,
А лишь бы испить
Шлемомъ Дону!“

О, Боянъ,
Соловей стараго времени!
Кабы ты воспѣвалъ этотъ походъ—
Соловьемъ разсыпаясь по дереву,
Легая орломъ подъ облаками,—
Сложилъ бы намъ славу вкругъ нашего времени!

Слѣдуя за Бояномъ
Черезъ поля на-горы,
Такъ бы было лѣтъ лѣвнѣ Игорю
Боянову потомку:
„Не буря повесела соколовъ
Черезъ поля широкія,
Не галки стадами бѣгутъ
Къ великому Дону!...“

Или еще вотъ бы какъ,
О, вѣщій Боязь,
Внукъ Велесовъ!

— Кони ржутъ за Сулою,
— Гремить слава въ Кіевѣ,
— Трубы трубать въ Новѣградѣ,
— Знамена разсталавливаются въ Путивлѣ.

Игорь ждетъ своего милаго брата Всеволода.
И сказалъ ему удааой Всеволодъ:

„Одинъ у меня братъ,
Одинъ мой свѣтъ свѣтлый,
Ты Игорь —
Оба мы Святославичи!“

„Ты сѣдай же, братъ,
Своихъ борзыхъ коней;
А мои тебѣ давно готовы,
Напередъ у Курска осѣданы!
А мои Куряне—чѣмъ не молодцы славные?
Вспеленуты подъ трубами,
Баяканы подъ шлемами,
Концомъ копыя вскормлены.
Дороги—всѣ имъ извѣстны!
Овраги—всѣ имъ знакомые!
Луки у нихъ натянуты,
Колчаны вскрыты,
Сабли отпущены,
Скачутъ какъ сѣрые волки въ поле,
Ищутъ чести самимъ себѣ,
А князю славы.“

Тогда вступилъ Игорь князь
Въ золотое стремя,
И поѣхалъ по чистому полю,—

А солнце ему тьмою путь застилало.

2

И вотъ ночь, заставявъ грозой, птицъ взбудила;
Подъѣсу пошелъ свистъ звѣриный;
Злой въщувъ клочеть вверху дерева,
Велить стеречься
Невѣдомыхъ чужеземцевъ
— И Волгѣ, и Поморью, и Посулюю,
Суроужу и Корсуви,
И тебѣ, идолице тмуторакавское!

Сами Половцы, по дорогамъ неизготовленнымъ,
Побѣжали къ великому Дону;
Раскричались ихъ арбы въ полночь,
Какъ раслуганные лебеди, сказать бы.

Игорь войско къ Дону ведетъ.
Ужь бѣда его манить птицъ по-удолью;
Волки зачуяли грозу по оврагамъ;
Орлы клеткомъ ссываютъ звѣрей на кости;
Лисицы такъ и лаютъ на багряные щиты.

3 (О, Русь!
Ты — уже за рубежемъ.

4 Долго ночь меркнетъ,
Свѣтъ-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щелканье соловьевъ смолкло,
Галочій говоръ утомился.
Русскіе всю широкую стель
Загородили багряными щитами,
Ищутъ чести самимъ себѣ,
А князю славы.

Въ лятницу, на зарѣ рано,
Они потоптали логаные
Половецкіе полки;
И, разсыясь по-полю стрѣлами,
Забрали красныхъ дѣвокъ половецкихъ,
А съ ними золота и лаволокъ,
И дорогихъ бархатовъ.
Армячками, яланчейками, кожуками,

Начали мосты мостить
По грязямъ да по болотамъ —
И всякими драгоцѣнностями Половецкими.

А красное древо—хоругвь бѣлая —
Красная чёлка—наковечничекъ серебряный,—
Вотъ добыча самого Святославича.

И завочевало въ полѣ
Храброе Олегово гнѣздо,—
О, какъ далѣко залетѣло!

Породили его не затѣмъ чтобъ въ обиду дать:
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ, черный воронъ,
Поганый Половчанинъ!

Хавъ Гзакъ бѣжить сърымъ волкомъ,
Ковчакъ ему заправляетъ слѣдъ
Къ великому Дону.

И на другой день равѣшенько
Кровавыми зарями разсвѣтъ возвѣщается.
Черныя тучи идутъ съ моря,
Въ нихъ трепещутъ синія молніи,—
Прикроютъ они собой четыре красныхъ солнышка!
Быть грому великому!
Идти дождю стрѣлами
Съ великаго Дону!
Здѣсь-то будетъ кольямъ приломаться!
Здѣсь-то встрѣчатся саблямъ
Объ племени Половецкіе
— На рѣкѣ Баялѣ
У великаго Дону.

О, Русь!
Ты уже за рубежомъ!

И вотъ съ моря—взвукъ Стрибога—
Вѣтры ловляли стрѣлами
На храбрые Игоревы полки...

Земля задрожала отъ гула,
Рѣки потекли мутно,
Вся степь покрывается льдыю.
Знамёна заговорили...
Это Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря;
И со всѣхъ сторожъ
Они русскіе лодки обступили.
Бусово отродье,
Они кликами покрыли всю степь;
А храбрые Русскіе
Загородились багряными щитами.

О, удалой Всеволодъ!
Ужъ ты выступилъ на оборону.
Прыщешь на враговъ стрѣлами,
Грмишь объ шлемы
Воронеными мечами.
Куда обернешь коня,
Золотымъ шлемомъ посвящая,—
Тамъ и валятся логанья
Головы Половецкія.
Ищеллены саблями каменными
Ихъ аварскіе шлемы—
Тобою, все тобой, аръ-гуръ Всеволодъ!

„Братцы! важны ли тому какія раны
Кто забылъ жизнь и почести!
Ужъ не помнитъ города Чернигова,
Ни отцовскаго золотого стола,
Ни даже своей души милой
Красной Глѣбовны —
Совѣта и привѣта?“

Былъ вѣкъ Траяновъ.

Прошли года Ярославовы.
Миновали и Олеговы походы
— Олега Святославича.
Ужъ какъ тотъ Олегъ
Мечомъ крамолу коваль,
Онъ ее стрѣлами по землѣ сѣялъ.

Вступаетъ, бывало, въ золотое стремя
Еще въ городъ Тьмуторакаи,
А ужъ звонъ слышалъ
Издали великій
Ярославовъ сынъ Всеволодъ.
А Владиміръ—тотъ каждое утро
Себѣ уши затыкалъ въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславича
Слава на судъ привела.
Уложила его на смертный зеленый коверъ
Храброго и молодого князя
—Все изъ-за обиды Олеговой.

Съ такой же, съ Каалы,
Поволокъ тогда Святлополкъ отца своего
—Окружень венгерскою конницею—
Къ святой Софіи, къ Киеву.

Тогда, при Олегѣ Гориславичѣ,
Засѣвалось, заростало усобицей,
Загибало достоянье Дажь-Божьяго внука,
Отъ княжескихъ крамолъ
Вѣкъ людей сократился.
Тогда по Русской землѣ
Рѣдко поклакивали оратаи,
Но часто ворона каркали,
Дѣля трупы между собою;
Да гаалки заговаривали свои рѣчи
Сбираясь летѣть на покормку.

Вотъ что было въ тѣ рати и въ тѣ войны,
А такой рати еще и не слышано!

Съ утра до вечера,
Съ вечера до свѣта,
Летять стрѣлы каменныя,
Гремятъ сабли обо племны,
Трещатъ колья вороненыя

—Въ степи безвѣстной
Среди земли Половецкой.

Черная земля подъ копытами
Костями была устѣяна,
Полита кровью,—
И горемъ всходы взоплаи
По Русской землѣ.

Что это шумить?
Что это звенить?
... Тамъ далеко—передъ утренней зарею?
Это Игорьъ заворачиваетъ полки:
Ему жаль брата,
Милаго брата Всеволода.

Бились день,
Бились другой;
На третій день къ полдню
Нали Игоревы знамена.

Здѣсь, на берегу быстрой Каялы,
Два брата между собой разлучились!
Здѣсь кроваваго вина не достало;
Здѣсь до конца пиръ закончили
Русскіе богатыри.

Святѣвъ напоили,
Да и полегли сами
За землю Русскую.

Помякла трава отъ жалости,
И дерево съ тоскою
Къ землѣ приклонилось.

И вотъ, братцы,
Ужъ невеселое времячко наступило!
Пустыня силушку лохоровила.
Проснулась печаль-досада
Въ войскѣ Дажь-Божьяго внука.

А вѣщунъ ступилъ на землю Троянскую
И лебедиными тамъ залескалъ крылами!

На синемъ морѣ
У Дону плещучи,

Возвѣстилъ широко-раздольныя времена!

Въ князьяхъ усобица, а намъ отъ поганыхъ погубель.

Какъ сталъ говорить братъ брату:

„Это мое, а вотъ это мое-же“—

И начали князья про малое

„Ахъ, это великое!“ молвить—

Сами на себя крамолу ковать начали.

А поганые со всѣхъ сторонъ

И пошли приходить съ побѣдами

На землю Русскую.

Далеко занесся соколъ,
Птицъ сбивая къ морю!
...Храбрыхъ Игоревъ войска
Нѣтъ, не воскресить ужь!

Кликнули по немъ! Жалость широко
Потекла по Русской землѣ

.....

Жены русскія восплакались,

Причитывали:

„Уже намъ своихъ милыхъ дружковъ

Ни мыслю не смыслить,

Ни думою не вздумать,

Ни очами на нихъ не поглядѣть;

А того золота и серебра

Не думай и потрогать!“

И застоналъ, братья,

Кіевъ тоскою,

И Черниговъ отъ напастей.

Тоска разлилась

По всей Русской землѣ,

И печаль потекла широко.

Да! князья сами на себя
Крамолу ковали,—
А поганые (которыхъ сами они и обрушили
На Русскую землю съ побѣдами)
Брали давь
Отъ двора по бѣлкѣ.
Ужъ эти два храбрыхъ Святославича,
Игорь и Всеволодъ,
Только разбудили старинное зло,—
А какъ, было, услышалъ его
Отецъ ихъ, Святославъ Грозный,
Великій Киевскій!

Какъ грозно, было, притрепалъ онъ ихъ
Своими сильными локтами,
Будатными мечами.
Онъ наступилъ на землю Половецкую,
Притопталъ холмы и овраги,
Помутилъ рѣки и озера,
Изсушилъ потоки и болота;
А того поганого Кобяка
— Изъ среды его великихъ желѣзныхъ
Полковъ Половецкихъ—
Будто вихремъ вырвало изъ Лукоморья,
И палъ-очутился Кобякъ въ Киевѣ—
Въ грядницѣ у Святослава.

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава
Поютъ славу Святославу,—
Они оплакиваютъ князя Игоря,
Который все доброе похоронилъ
На днѣ Каялы,
Половецкой рѣки,—
Разсорилъ тамъ русское золото.

Тамъ князь Игорь былъ высаженъ
Изъ княжескаго золотого сѣдла
Въ сѣдло невольника.

Приуныли по городамъ ихъ зубчатая стѣны,
Все веселіе поникло.

Святославъ видѣлъ смутный сонъ
Въ Кіевѣ на горахъ.

— Всю ночь, говорить, съ самаго вечера,
Одѣвали меня, покрывали меня,
Черными гробовыми покрывами—
На кровати тесовой.

Подносили мнѣ синее вино
Съ горечью смѣшанное.

Изъ лустыхъ колючавъ
Поганыхъ кочевниковъ
Сыплютъ мнѣ на ложе крулыми жемчугомъ,
Да еще и ублажаютъ меня!

Ужь одѣ стѣны голыя! А' угловъ нѣтъ!
Въ теремѣ моемъ златоверхомъ.

Съ вечеру во всю ночь
Каркали воробы
У Пльньска, на Подолаѣ,
Гдѣ дебрь Кисанова,—
И повесло ихъ вдругъ къ синему морю!

И отвѣчали бояре князю:
„— Князь! Ужь тоска умъ плѣвила.
Это, вотъ, два нашихъ сокола слетѣли съ гнѣзда,
Съ отцовскаго золотого стола—
Поискать города Тьмуторакани,
Или испить
Шлемомъ Дону!
Да ужь соколамъ крылышки
Олѣшаны саблями поганыхъ;
Ихъ самихъ онутали
Въ желѣзные пугы.
Какъ была темнота третьяго дни,
Еще два солнышка померкли,
И оба багровыхъ столпа угасли,—
Закатились съ ними и два молодыхъ мѣсяца,
Олегъ и Святославъ—
Въ морѣ заволоклась тьмою!
Дерзость великая взялась у хага.

На рѣкѣ Каялѣ
Тьма свѣтъ покрыла,
По всей Русской землѣ
Высыпали Половцы
Пуще чѣмъ рысиные выводки.
Ужь хула снеслась на хвалу,
Разразилась бѣда надъ волей!
Злой вѣщунъ свергнулся на земаю!
Вонъ ужъ готескія красныя дѣвушки
Заиграли веселыя лѣсны
На берегу синяго моря.
Русскимъ зодотомъ позванивая
Ояъ поютъ время Буссово,
Прославляютъ отищенье Тугорканово,—
А мы, твоя дружина, только и ждемъ весельица! “—

Тогда великій Святославъ
Выронилъ золотое слово
Со слезами смѣшанное,
И сказалъ:

— О, мое племячко,
Игорь и Всеволодъ!
Рано же вы затѣяли
Половецкую землю мечами крушить,
А себѣ искать славы!
Да неудачно вы напали,
Неудачно и поганую кровь пролили.
О, ваши храбрыя сердца
Кованы жестокою ковкой,
И закалены въ смѣлости,—
Но вотъ чего натворили
Вы моею серебряной сѣдницѣ!
Не увижу я больше власти сильнаго и богатаго,
Ни множества воиновъ брата моего Ярослава
Съ его черниговскими вольными людьми,
Съ Могучими, и съ Татранами,
Съ Шельбирами, и съ Толчаками,
И съ Ревугами, и съ Ольберами!
Тѣ вонъ безъ щитовъ, съ своими засаложными ножами,
Однимъ кликомъ любѣждаютъ полки,
Гремя славою моего правды!

А вы похвалились: возьмемся-ка сами!
Славу, что впереди насъ—захватимъ,
А что позади насъ—съ собой подѣлимъ!..

Что жь, братья!
Диво что ль, думаете, мнѣ старому помолодѣть?
Когда соколы въ мыту бываетъ,
Тутъ-то онъ и сбиваетъ птицъ высоко,
Не отдастъ своего гнѣзда въ обиду!
Да вотъ гдѣ зло: князья мнѣ больше не пособники,
Ничкомъ времена извернулись!

Слышите ли: ужь кричатъ въ Ромнахъ
Подъ саблями поганыхъ Половцевъ?
Ужь князь Владиміръ весь въ ранахъ лежитъ—
Тягота и тоска Глѣбовичу!

О, великій князь Всеволодъ!
У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прилетѣть издамѣка
Отцовскаго золотого стола поберечь!
А ты вѣдь можешь
Волгу раскролить вѣслами,
Шлемами весь Довъ вычерпать.
Будь только ты съ нами—
У насъ невольница была бы по ногатъ,
И невольникъ по резанъ.
Ты вѣдь можешь лѣсуху
Живыми шестооперами метать—
Удалыми сыновьями Глѣбовыми!

Ты, Давидъ, и удалой Рюрикъ!
Не ваши ли золоченые шлемы
Въ крови плавали?
Чьи жь это, какъ не ваши дружинники,
Рычатъ какъ волы дикіе,
И ранены калеными саблями—
Въ стели безвѣстной?

Вступите, господа,
Въ золотое стремя
За обиду нашего времени,

За землю Русскую,
За раны Игоря
Удалого Святославича!

О, Ярославъ Осмомыслъ Галицкій,
Высоко сидишь ты
На своемъ золотокованномъ столѣ!
Подперъ горы Карпатскія
Своими желѣзными полками,
Загородилъ луть Венгерскому королю,
Заперъ ворота на Дунаѣ.
Выше облакъ полчища перекидываешь
Высылаешь корабли по Дунаю.
Грѣзы твои по землямъ текутъ,
Кому хочешь въ Кіевѣ отворяешь ворота,
Воюешь съ отцовскаго золотого стола
Сатановъ за далекими землями.

О, государь! ты воюй Кончака,
Поганаго Коцея—
За землю Русскую,
За раны Игоря —
Удалого Святославича!

А ты Мстиславъ и Романъ удалой!
Храбрые замыслы
Увлекаютъ вашъ умъ на подвиги.
О, какъ ты высоко заносишься
Въ отважныхъ дѣлахъ!
Такъ соколъ ширяется по вѣтру
— Стремясь лицу въ рѣзвости одолѣть.

Есть у васъ желѣзные латыки
Подъ латинскими шлемами!
Ими земля потряслась,
И многія хановскія страны.
Литва, Ятвяги, Зимергола и Половцы
Побросали свои сулицы,
И подъ тѣ ваши мечи булатные
Свои головы преклонили.

Но уже, князь,
Для Игоря уцербнулъ солнца свѣтъ,
И дерево не къ добру
Листье обронило.

Ужь по рѣкѣ Рси и по Сулѣ города подѣлены!
Храбрыхъ Игорева войска
Нѣтъ, не воскресить ужь!

Дождь тебя призываетъ, князь!
Всѣхъ князей зоветь на побѣду.
Олеговичи храбрые князья,
Одни подоспѣли на брань.

Игварь и Всеволодъ!
И всѣ трое Мстиславичей!
Не худаго гнѣзда шестокрыльцы!
Не то чтобы жребіемъ побѣдъ
Себѣ волостей расхитили!
Гдѣ жь ваши-то золотые племы,
И щиты и ляшскія сулицы?
Обороните-прикройте дорогу въ степь
Своими острыми стрѣлами—
Ради земли Русской
Ради равъ Игоря—
Удалаго Святославича!

Вотъ уже рѣка Сула
Не течеть серебряными струями
Къ городу Переяслави;
И Двина потекла болотомъ
Къ тѣмъ грознымъ Полочанамъ
Подъ кликами логавыхъ.

Одинъ лишь Изяславъ Васильковичъ
Позволилъ своими острыми мечами
Объ литовскіе племы.
Онъ приложилъ славы
Дѣду своему Всеславу.
А самъ, подъ красными щитами,
На окровавленной травѣ
Уложенъ подъ литовскими мечами.

И проговорилъ ояъ—какъ на кровать сложили—

„Дружину твою, князь,
Птицы приодѣли крылами,
Звѣри ей кровь полизали!“

И не было тамъ брата Брячислава,
Ни другаго, Всеволода.

Однѣвъ-однѣшенекъ ояъ вырвали жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла
Сквозь ожерельице золотое.

Приуныли голоса,
Все веселіе поникло.

Чу! трубы трубать Городеискія!
Ярославъ!

И всѣ вьуки Всеславоы!
Опустите-преклоните ваши знамена!
Вножните ваши опозоревыые мечи!
Вы уже выключили себя
Изъ дѣдовской славы.

Это вы овоими крамолами
Дали примѣръ наводитъ логавыкъ
На землю Русскую,
На достояные Всеславоо!
И была котора, и насилье
Отъ земли Половецкой
— Какъ въ тотъ вѣкъ Траяновъ.

Всеславъ металъ жребій:
Какая изъ невѣсть ему милѣе?
Ояъ стиснулъ коня колками,
Понесся къ городу Киеву,
И таки достигнулъ концомъ колья
Золотаго Киевскаго престола.
Ускакалъ отъ нихъ
Лютымъ звѣремъ въ полночь,
Въ Бѣгородѣ обернулся спией мглой;
Утромъ же возилъ стремена колючія—
Въ Новгородѣ отворилъ ворота:
Покончилъ славу Ярославову!
Зѣдалъ скачокъ волкомъ
Оттуда до Немиги.

На Немигѣ снопы стелютъ головами,
Молотятъ воронеными цѣлами,
На точёкъ жизнь кладутъ,
Вьютъ душу отъ-тѣла.

Кровавые берега Немиги
Не добромъ были посвяаны,
Посвяаны костями русскихъ людей.

Князь Всеславъ давалъ судъ людямъ,
Уражалъ города между князьями,
А самъ по ночамъ
Волкомъ рыскалъ.

Какъ изъ Кіева онъ дорыскивалъ
До города Тьмуторакани;
Онъ великому Свѣтилу-Хорсу
Волкомъ пересѣкалъ дорогу.
Ему въ Полоцкѣ

Равно позвонили къ заутрени
Въ колоколъ у Святой Софіи,
А ему звонъ
Чудился въ Кіевѣ.

Хоть и вѣщая душа въ цномъ тѣлѣ,
Но бѣдами часто погрѣшала.
Вотъ на тѣ-то вѣщій Боянъ
Прежде всего мудрую пригѣвку сложилъ:
„Ни хитрому, ни проворному,
Ни птицей проворному
Не миновать суда Божьяго!“

О! стонать Русской землѣ
Помянувъ первое время
И первыхъ князей!

Для чего нельзя было того старата Владиміра
Навсегда пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!
А нынчѣ его знамѣна—одни князь-Рюриковы,
А другія — Давидовы,
И ужъ врозницу развѣваются ихъ лохмотья!

Не колья лютъ на Дунаѣ.

Слышите ли Ярославннвъ голосъ?
Кукушкой, притаясь, на зорькѣ кличетъ.

„Полечу я, молвила, кукушкой
По Дунаю!
Омочу бобровъ рукавъ въ Каалѣ,
Утру князю кровавыя раны
На его могучемъ тѣлѣ!“

Ярославна до зари плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Прочитываетъ:

„Ахъ, ты вѣтеръ, вѣтеръ!
Что же ты, властитель,
Съ такой силой вѣешь?
Для чего наносишь
Хавовскія стрѣлы,
Легкокрылый,
На воиновъ моего друга?
Мало-ль тебѣ было
Высоко подъ облаками вѣять?
Баюкалъ бы корабли
На сивемъ морѣ.
А ты зачѣмъ, властитель,
Мое веселіе по ковылю развѣялъ?“

Ярославна равнымъ утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Прочитываетъ:

„Ахъ, ты Днѣпръ Славутичъ!
Ты прошибъ и каменные горы
Черезъ землю Половецкую;
Ты на себѣ голубилъ
Святославовы гребныя лодки
До полковъ Кобяковыхъ.
О, приглубь, властитель,
Друга моего ко мнѣ,
Чтобъ я слезъ своихъ на море
По зарямъ къ нему не посыдала.“

Ярославна утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Прочитываетъ:

„Солнце! пресвѣтлое солнце!
Ты тепло и красно для всѣхъ.
Для чего же, свѣтъ мой,
Продлило свои горячіе лучи
На воиновъ моего друга?
Въ степи безводной
Жаждой повело имъ луки,
Тягостью колчаны имъ сомкнуло?“

И вспрыгнуло море въ полночь
Смерчи повеселись туманами.

Князю Игорю
Богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой
Въ землю Русскую
Къ отцовскому золотому столу.

Погасли зорьки вечернія.

Игорь спитъ
И не спитъ.

Игорь мыслию поля мѣритъ
Отъ великаго Дона
До малаго Дона.
— Конь будетъ къ полвочи —
— Овдуръ свистнетъ за рѣкою —
Велитъ князю разумѣть!

Князя Игоря и нѣтъ какъ нѣтъ.

Кликнуло,—стукнула земля,
Трава зашумѣла,
Половецкіе шатры всколыхнулись.

А князь Игорь
Бросился въ камыши горностаемъ,
Всплылъ бѣлымъ гоголемъ на воду;
Вскинулся на борзого коня....

Потомъ соскочилъ съ него,
Да и побѣжалъ Донецкимъ лугомъ...
Соколомъ летить въ утреннихъ туманахъ,
Бьетъ себѣ гусей и лебедей
На завтракъ, обѣдъ и ужинъ.
Если Игорь летѣлъ соколомъ,
Такъ ужъ Влуръ утекалъ сврымъ волкомъ,
Пострахова студеною росу,
Потому что они загнали-распростерли своихъ борзыхъ
копей.

Сказалъ Донецъ:
„Князь Игорь!
Не мало тебѣ величанія;
А Коччаку досады;
А Русской землѣ веселія!“

Сказалъ Игорь:
„О, Дончикъ!
Не мало тебѣ величанія,
За то что князя лелѣялъ на волвахъ,
Постилалъ ему зеленую траву
На своихъ серебряныхъ берегахъ;
Одѣвалъ его теплыми туманами
Подъ сѣнью зеленого дерева,
Стерегъ его гоголемъ на водѣ,
Чайками на струяхъ,
Чирятами въ поднебесьи.
А вотъ не такова, говоритъ, рѣка Стугна!
Тошю струю имѣла,
А какъ поглотила ручьи чужіе...
И затормозило тогда лодки по кустамъ,
Юному князю Ростиславу
На своемъ темномъ берегу—выходъ въ Днѣпръ за-
творила.
О, какъ плакала тогда мать Ростислава
По юномъ князѣ Ростиславѣ,
Приуныли цвѣты отъ жалости,
И дерево съ тоскою
Къ землѣ приклонилось.“

Сороки ли это застрекотали
Нѣтъ, по Игореву слѣду
Это вѣдитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Вороны тогда не каркали,
Галки приумолкли,
Не трещали и сороки,—
Только дятлы, по стводамъ лаза,
Знають себѣ постукивають,
Путь къ рѣкѣ кажутъ.
Соловьи веселыми лѣсками
Разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Говоритъ Гзакъ Кончаку:
„Такъ какъ ужъ соколъ къ гнѣзду летитъ,
Давай мы соколенка разстрѣляемъ
Своими золочеными стрѣлами.“

Говоритъ Кончакъ Гзаку:
„Такъ какъ ужъ соколъ къ гнѣзду летитъ,
Мы давай соколенка опутаемъ
Красною дѣвицей!“

И сказалъ Гзакъ Кончаку:
„Если мы его опутаемъ
Красною дѣвицей,—
Не нашъ будетъ соколенокъ,
Не наша будетъ и красная дѣвица!
Какъ бы насъ тогда птицы-то не заклевали
Въ полѣ Половецкомъ!“

Говорилъ Боявъ,
И години Святославовой
Пискотворци стараго времени
(И Ярославя, и Олега князя):
„Хоть тяжко тебѣ головѣ безъ плечъ,
Но зло и тебѣ тѣлу безъ головы“
— Русской землѣ безъ Игоря!

Солнце свѣтитъ на небѣ,
Князь Игорь въ Русской землѣ.

Дѣвцы поютъ на Дунаѣ,
А голоса вьются
Черезъ море до Кіева.

....Игорь ѣдетъ по Боричеву
Ко святой Богородицѣ Пирогощей.

Села радуются,
Города веселятся.

Слѣвши лѣсью старымъ князьямъ,
Потомъ и молодымъ лѣтъ.
Слава Игорю Святославицу!
Удалому Всеволоду слава!
Владимиру Игоревичу слава!
Будьте здравы, князи и дружина,
„Поборая за крестьяны
На поганые полки.“

Слава князю и дружинѣ!

Скажемъ въ заключеніе что всѣ тѣ мѣста въ которыхъ упоминается Боянъ, — они-то и представляются до сихъ поръ наименѣе разгаданными, всего болѣе испорченными. Самъ авторъ, по всемъ признакамъ, разумѣлъ подъ Бояномъ какого-то вѣщаго *vates*, какого-то, какъ выражается князь Вяземскій, *poeta po преимуществу*, словомъ, баяна, а не Бояна. Но переписчики могли спутать первоначальный смыслъ.

Загадочною остается самая первая картина въ *Словѣ* лусканія соколовъ на лебединое стадо. Если принять это за поэтическое уподобленіе игры на гусяхъ (какъ и толкуеть самъ лѣвецъ) тогда въ послѣдующихъ стихахъ слѣдуетъ предположить или пропускъ или искаженіе, безъ того самъ Боянъ представляется раслѣвающимъ лѣсью про Ярослава и про другихъ старыхъ князей. А чувствуется что это не такъ....

Въ *Словѣ* нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ для того чтобы считать баснословнаго Бояна непременно за историческое лицо, вполнѣ будто бы извѣстное автору, который и указываетъ въ своей повѣи: и въ какой вѣкъ жилъ Боянъ, и какому изъ своихъ современниковъ онъ сложилъ какую

пѣвку. При воспоминаніяхъ о Полодкомъ Всеславъ авторъ, правда, приводитъ Боянову припѣвку о томъ что ни хитрому ни гораздому не избыть суда Божьяго. Изъ этого многіе и заключаютъ что Боянъ былъ современникомъ Всеслава. Но это неправильно. „Тому Боянъ первое припѣвку рече“ очевидно значитъ: „Вотъ на то-то прежде всего Боянъ и сложила припѣвку“. Легко можетъ-быть что у пѣвцовъ позднѣйшихъ сохранялась память о прежнихъ княжескихъ пѣвцахъ, особенно о славнѣйшихъ изъ нихъ. Легко быть можетъ поэтому и то что какого-нибудь Бояна, или даже Яна, пѣвецъ *Слова* поэтизировалъ образомъ вѣщаго Бояна, миѣческихъ временъ, а переписчики этого не разобрали и искажили смыслъ автора.

Но его Боянъ, летающій орломъ подъ облаками, носящійся волкомъ по землѣ и расточающійся соловьемъ по дереву, мчащійся чрезъ поля на горы—лицо идеальное, чтобы не сказать миѣческое. Пѣвецъ, зова его внукомъ Аполлона (внукомъ Велеса), видитъ себѣ въ томъ славу чтобы быть его послѣдователемъ, чтобы считаться его продолжателемъ. Нѣкоторые критики, и можетъ-быть не безъ основанія, полагаютъ видѣть въ миѣческомъ Боянѣ самого Гомера.

500
189861/983

500
189861/983

2285

PG 3300 .S63 P3 1874
Stovo o polku Igorevici /

C.1

Stanford University Libraries

3 6105 040 509 742

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

